

На правах рукописи

Дубовскова Елена Николаевна

**ЛИРИКА Ф. И. ТЮТЧЕВА:
ПОЭТИКА ФИЛОСОФСКОГО ДИАЛОГА**

10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Самара – 2010

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Оренбургский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Сысоева Нина Петровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Семьян Татьяна Фёдоровна

кандидат филологических наук
Румянцева Виктория Николаевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Ульяновский государственный университет»

Защита состоится 20 мая 2010 года в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.218.07 при Самарском государственном университете по адресу: 443011, г. Самара, ул. академика Павлова, 1, зал заседаний

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Самарского государственного университета

Автореферат разослан «14» апреля 2010 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000727249

Ученый секретарь
диссертационного совета

A handwritten signature in dark ink, appearing to read 'Г.Ю. Карпенко'.

Карпенко Г.Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

«Поэзия мысли» Ф.И. Тютчева, заговорившая новым языком о тех колоссальных изменениях, которые совершались в мире и человеке, явилась новой ступенью в становлении философской лирики второй трети XIX века. Вслед за Е.А. Баратынским и А.С. Пушкиным, почти одновременно с поэтами-любомудрами Д.В. Веневитиновым, М.А. Максимовичем, В.Ф. Одоевским, А.С. Хомяковым, С.П. Шевыревым и позже славянофилами И.С. и К.С. Аксаковыми, А.И. Кошелевым, И.В. и П.В. Киреевскими, Ю.Ф. Самариным, Ф. Тютчев в своей лирике пытался философски осмыслить и поэтически выразить общие закономерности человеческого бытия на основе исторического и личного, интеллектуального и духовного опыта, с необычайной смелостью при этом преображая традиции русской поэзии. В своем поэтическом творчестве, проникающем во внутренний мир человека в его таинственных глубинах, постигающем динамику его нравственного развития, поверяемом общими законами Природы, Мироздания, христианским Идеалом, поэт в напряженном философском диалоге искал ответы на остросовременные вопросы человеческого бытия, во многом предвывая те великие открытия, которые будут позже совершены в жанре русского универсального романа Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым, в русской лирике «серебряного века».

Актуальность исследования определяется как основными тенденциями развития современной филологической науки, устремившейся к выявлению специфичности литературных явлений в их возможно более полном контексте, в пограничных зонах взаимодействия (столь значимого в художественном мире Ф. Тютчева) поэзии, истории, философии, так и значительно активизировавшимся интересом современной науки к гениальным интуитивным и интеллектуальным прозрениям Ф. Тютчева-поэта, философа в условиях рубежа столетий и тысячелетий.

Объектом исследования стала философская лирика Ф. Тютчева как в литературно-общественном контексте, русском и зарубежном: классицизме (М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин), Просвещении (И.В. Гете), романтизме (В.А. Жуковский, Е.А. Баратынский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, поэзия любомудров: В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов, А.С. Хомяков, С.П. Шевырев, А.И. Кошелев, М.А. Максимович), позднем романтизме (А.А. Фет, Ап. Григорьев), реализме (Н.А. Некрасов, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский), так и в напряженном взаимодействии с основными историософскими и философско-поэтическими концепциями XIX века (С. Кьеркегор, Новалис, Ф.В. Шеллинг, А и Ф. Шлегели, А. Шопенгауэр) и в исторической перспективе с некоторыми интуитивно предощущаемыми поэтом философскими идеями и концепциями XX века: символизмом (В.С. Соловьев, А.А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов, Ф.К. Сологуб), экзистенциализмом (К. Ясперс, Г. Марсель, Н.А. Бердяев, М. Бубер, М. Хайдеггер).

Предметом исследования на уровне поэтики стали диалогические формы выражения авторского самосознания в философской, историософской и любовной лирике Ф. Тютчева: активная апелляция к читателю, человеческому со-

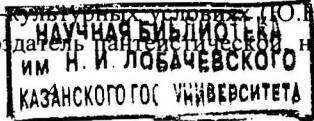
обществу, авторская программа духовно-нравственного преображения и спасения русского человека и мира, переживающих состояние катастрофического кризиса.

Цель исследования – выявить, описать и систематизировать формы диалогического выражения авторского сознания в философской лирике Ф.И. Тютчева в философском, общественном и историко-литературном контексте XIX – XX веков.

В соответствии с поставленной целью были определены следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть феномен Ф. Тютчева в контексте основных закономерностей развития философской лирики «второй поэтической эпохи»;
- 2) осмыслить состояние научно-теоретической разработанности проблемы диалога как специфической формы выражения авторского сознания в философской лирике XIX века;
- 3) обобщить, конкретизировать и скорректировать теоретические сведения, связанные со спецификой диалогических форм выражения авторского сознания в философской лирике Ф. Тютчева;
- 4) исследовать феномен историософской лирики Ф. Тютчева, вступающей в диалог с мировой историей в пограничной ситуации онтологического кризиса, ищущей пути восстановления утраченного духовного всеединства;
- 5) рассмотреть формы поэтического диалога в лирике Ф. Тютчева в контексте основных философско-антропологических концепций XIX века и авторского этико-эстетического идеала;
- 6) раскрыть в функциональном аспекте роль философского элемента в диалогической структуре любовной лирики поэта;
- 7) выявить природу и функционирование нового поэтического, философско-онтологического тютчевского слова, устремившегося к синтезу как традиционных, так и еще не использованных ресурсов поэзии.

Степень разработанности проблемы. Научная тютчевiana при всей своей обширности, за исключением нескольких основополагающих работ (Л.В. Пумпянский, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум и др.) и некоторых содержательных статей (Н.К. Гудзий, В.В. Кожинов, В.А. Кошелев, Ю.М. Лотман, Н.Н. Скатов и др.), продолжает оставаться фрагментарной, разделенной в своих интерпретациях тютчевского феномена на разные идеологически и формалистически самозамкнутые направления. Думается, что вся драматическая история читательского восприятия, критического и научного изучения тютчевского наследия, являная непродуктивностью попыток а priori заданного «прикрепления» поэта к какому-либо определенному литературному направлению или философской концепции убеждают в необходимости новых научных подходов. Не потому ли «...так тяжело отнести его творчество к одной определенной и законченной эпохе в развитии русской литературы» (А.Г. Горнфельд): Ф. Тютчев – «архаист» и «классик», возрождающий традицию высокой философской державинской оды в новых историко-культурных условиях (Ю.Н. Тынянов); шеллингианец (В.М. Жирмунский); создатель философской, натурфилософской

поэзии с явным уклоном в импрессионистическую манеру (большинство исследователей советского периода: Б.Я. Бухштаб, Е.А. Маймин, К.В. Пигарев и др.); выразитель славянофильского мироощущения и неоромантик (В. Кожин); поэт, явивший миру чудо единения поэзии и философии (Ю. И. Айхенвальд, Л.Я. Гинзбург, Д.И. Дарский, Ю.Н. Тынянов, Г.В. Флоровский и др.), поэзии и эстетики (Л.В. Пумпянский), чье творчество неразрывно связано с русскими Любомудрами (А.В. Михайлов), но преодолевший «искусственность» их построений (Л.Я. Гинзбург). По мнению В.Н. Касаткиной, Ф. Тютчев на протяжении всей жизни был романтиком, по мысли Н.Я. Берковского – классиком в романтизме, в представлении Н.Н. Скотова – «реалистом в высшем смысле» (Ф.М. Достоевский); Ф. Тютчев – предтеча русского символизма и бодлерианства (Вяч. Иванов, Д.С. Мережковский, Л.В. Пумпянский), поэт экзистенциализма (В.С. Баевский). Однако при этом характерно и то, что В. Брюсов, описывая широкий круг русских и западных литературных влияний, которые мог испытывать столь близкий символистам поэт, проницательно зафиксировал прежде всего «своеобычность» его стиля: «...в целом его стих крайне самостоятелен, своеобразен. У Тютчева совершенно свои приемы творчества и приемы стиха, которые в его время, в начале XIX века, стояли вполне особняком»¹. Именно «своеобычность» истинного поэтического дара предопределила непонимание и недооценку тютчевской лирики, ее амбивалентно сложные отношения с критикой и наукой.

Первый собственно философский анализ творчества поэта был дан в знаменитой статье В.С. Соловьева «Поэзия Ф.И. Тютчева», получившей не только высокую оценку современников и многих исследователей, но и давшей толчок к активному осмыслению лирики поэта в культуре конца XIX – начала XX века.

Традиция философского подхода к творчеству Ф. Тютчева была продолжена в науке русского зарубежья. Количество работ, написанных в русской эмиграции о поэте, сравнительно невелико, но при этом необычайно высока степень востребованности его поэтического гения. В непосредственном опыте переживания русской трагедии и напряженных поисках выхода из нее на первый план выступает историософская мысль поэта (Г.В. Флоровский), резко повышается актуальность тютчевского слова, ориентированного на духовные основы русской жизни и русской души (И.А. Ильин).

Если на протяжении всего XIX века Ф. Тютчев воспринимался преимущественно как поэт для немногих, то на рубеже XX столетия целое литературное направление, обратившись к «поэту-мыслителю и философу» (Вл. Соловьев) как к источнику и вдохновителю новых форм и приемов поэтического выражения, стараясь приблизиться к совершенству им созданных образцов, назвало его «подлинным родоначальником истинного символизма» (Вяч. Иванов), «лучшим своим учителем» (К. Бальмонт), «учителем поэзии для поэтов», «одним из величайших мастеров русского стиха» (В. Брюсов). Было осознано, что под пером Ф. Тютчева русский стих достиг той «утонченности», той «эфирной высоты» (А.А. Фет), которые до него были недостижимы.

¹ Брюсов В. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. – М.: Гослитиздат, 1955. – С. 222.

В традиционном тютчеведении сложились разные подходы к изучению творчества поэта: так, в академических историко-литературных исследованиях творчество Ф. Тютчева рассматривается как в контексте русской поэтической традиции (Н.Я. Берковский, Д.Д. Благой, Г.А. Гуковский, В.Н. Касаткина, В. Кожин, Е.А. Маймин, Л.А. Озеров, И.З. Серман, Н.Н. Скотов, Ю.Н. Тынянов и др.), так и в контексте западноевропейской литературы немецкого романтизма и философии (Д.Д. Благой, Б.Я. Бухштаб, В.М. Жирмунский, Ю.В. Лебедев, Ю.М. Лотман, К.В. Пигарев, Б.Н. Тарасов, В.Н. Топоров, Ю.Н. Тынянов, Л.М. Щемелева).

Новые пути изучения историко-философских связей поэзии Ф. Тютчева (шеллингизм, эстетическая природа метафизики, гегельянство исторического пафоса, шопенгауэровские истоки ряда идей) и вполне современный поворот исследовательской парадигмы намечены в статье Л.В. Пумпянского, проследившего направление тютчевской философской эволюции: «Тютчев стремился к сложению иератического языка», подключался к культуре «...интимно-загадочного жреческого языка»². Именно последнее из указанных Пумпянским направлений изучения поэзии Тютчева, пожалуй, и является на сегодняшний день одним из наиболее популярных и актуальных. Впрочем, еще Ю.М. Лотман соединил описание онтологии поэтического мира с моделированием его языка, который у Ф. Тютчева не исчерпывается ориентацией на какие-либо отдельные философские системы, но представляет собой «сплав», опирающийся на различные культурные традиции.

В исследованиях структуралистского типа (Ю.М. Лотман, Б.М. Козырев) творчество поэта трактуется как единый текст, состоящий из цепочки инвариантных мотивов и, не исчерпываясь ориентацией на какие-либо отдельные философские системы, опирающийся на различные культурные традиции.

Рубеж второго и третьего тысячелетий ознаменовался, несомненно, активизацией интереса современной науки к Ф. Тютчеву – поэту-философу, пытавшемуся в эпоху нарастающего цивилизационного кризиса, катастрофической девальвации вековых ориентиров и ценностей осуществить в поэзии на основе многоуровневого философского диалога масштабный акт духовно-нравственной самоидентификации, представляя за всю русскую нацию и все человечество. Несмотря на нарастающий поток диссертационных работ как в сфере научной тютчевианы (Н.Ю. Абузова, Т.А. Воробец, А.Г. Гачева, Н.А. Гуриненко, С.С. Лабанов, Т.В. Николаева, В.П. Океанский, Б.В. Орехов, Н.В. Пожидаева, П.Н. Толстогузов, А.В. Шапурина, И.А. Ширшова и др.), так и области философской лирики (Л.Н. Малюкова, О.В. Попова, Т.П. Штец и др.) и диалогистики (Н.К. Антропова, Г.М. Бирюкова, И.В. Зиновьев, К.Д. Скрипник, Е.Н. Федосеева и др.), проблема изучения диалогических форм выражения авторского сознания в лирике Ф. Тютчева по-прежнему остается остро актуальной.

² Пумпянский Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева / Л. В. Пумпянский. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 253, 254.

Международные научно-практические конференции в Кракове, Брянске, Орле, Ереване и в Чикаго; выход Полного собрания сочинений и писем (2002 – 2003 гг.), литературоведческого сборника о творчестве Ф. Тютчева и тютчевского сборника к 200-летию со дня рождения поэта; работа кафедры русского языка Брянского государственного университета над созданием «Поэтического словаря Ф.И. Тютчева»; значительно увеличившийся поток журнальных статей о поэте (П.А. Гапоненко, В.В. Кожин, Ю.В. Лебедев, Б.В. Орехов, В.Ф. Погорельцев, Н.Н. Скотов, Б.Н. Тарасов, Л.С. Яницкий и др.) позволяют говорить о «возвращении» Ф. Тютчева во всем объеме его феноменального явления в культурное пространство современной России, о востребованности его слова.

Думается, искать разгадку феномена Ф. Тютчева-лирика в пределах каких-либо известных эстетических и философских систем нерационально. Мирозидение, эстетическое сознание поэта изначально формировались как устойчивая в своих базовых установках романтическая система, чутко корректирующая предшествующий мировой поэтический опыт современной философско-эстетической мыслью и вечным христианским идеалом. Построенная на осознании трагического несоответствия современной бездуховной дисгармоничной действительности романтическому идеалу, тютчевская философско-поэтическая система в ситуации нарастающего влияния реалистического познания и отражения действительности складывалась в непрерывных самоуточнениях и самокорректировках, поиске реального «исхода» (Ф.М. Достоевский) из ситуации невыносимой философской антиномии. Обращение Ф. Тютчева-поэта и мыслителя в условиях нестабильного миропорядка к диалогу как одному из универсальных принципов понимания бытия, философского осмысления действительности, качеству сознания, ищущего отклик не только в умах и сердцах современников, но и потомков, и делает его поэтическое наследие таким остросовременным.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые уникальная художественная специфичность философской лирики Ф. Тютчева выявляется в процессе исследования авторского многоуровневого, системного диалога с основными философскими и историософскими концепциями человека и мироздания, ставшими объектами тютчевских размышлений и интуиций. В работе предпринята попытка выявить и проанализировать характерную для Ф. Тютчева ориентацию в его сложных и противоречивых философско-этических и эстетических исканиях на христианские ценности, христианский нравственный идеал. Исследование философских и историософских поэтических текстов Ф. Тютчева убеждает в том, что в этом отношении он не остался «архаистом», так же как и приверженцем определенной философской концепции, и не пытался поэзию подчинить религиозной догматике, а, напротив, выводил отечественную и мировую философскую поэзию на единственно продуктивный для нее путь развития: непрерывного самоуточняющегося, духовно самообогащающегося диалога с философским знанием и религиозной верой.

В основу методологии работы положены принципы историко-литературного и историко-типологического подходов. Наряду с этим в диссер-

тации использованы приемы историко-функционального, историософского, эстетического, онтологического, сравнительно-структурного анализа.

Основополагающее значение в предпринятом исследовании имели труды М.М. Бахтина, Н.Я. Берковского, Д.Д. Благого, А.Ю. Большаковой, Б.Я. Бухштаба, В.В. Виноградова, М.Л. Гаспарова, Г.Д. Гачева, Л.Я. Гинзбург, Г.А. Гуковского, В.В. Кожина, Б.О. Кормана, В.И. Коровина, Ю.М. Лотмана, К.В. Пигарева, Л.В. Пумпянского, Т.И. Сильман, Н.Н. Скатова, Б.Н. Тарасова, Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума. Теоретической основой диссертации стали положения, выдвинутые в сфере теории диалога М.М. Бахтиным, В.С. Библером, Л.М. Биншток, С.Н. Бройтманом, М. Бубером, Г. Гадамером, Б.О. Корманом, Ю.М. Лотманом, Н.Н. Скатовым, П.Б. Чижиковским.

Теоретическое значение исследования состоит в конкретизации, уточнении и обобщении теоретических сведений, связанных со спецификой выражения авторского сознания, в частности с такой формой, как диалог об остро-современных проблемах человеческого бытия в философской лирике, вписанной в объемный литературно-общественный и общекультурный контекст и активно ориентированной на широкую читательскую аудиторию и человеческое сообщество в целом.

Научно-практическое значение диссертации заключается в том, что поэзия Ф. Тютчева исследуется в такой своей активной поэтической форме, как диалог с основными философскими концепциями европейской и отечественной культуры и литературы. Основные положения, результаты и выводы работы могут быть продуктивно использованы:

- 1) для дальнейшего изучения теории диалога как одной из форм выражения авторского сознания в философской лирике;
- 2) при сравнительно-типологическом анализе русской лирики в целом;
- 3) для осмысления специфики реализации историко-цивилизационного, культурного, религиозно-нравственного, эстетического ресурсов философской лирики;
- 4) в вузовском и школьном преподавании историко- и теоретико-литературных курсов; в разработке содержательных и актуальных тем контрольных, курсовых и дипломных работ для студентов филологических вузов.

Апробация работы. Концептуально значимые положения диссертации обсуждались на аспирантских семинарах кафедры русской классической литературы и методики преподавания литературы Оренбургского государственного педагогического университета. Основные проблемы исследования отражены в докладах, с которыми диссертант выступал на научных конференциях: на XXX юбилейной Зональной конференции литературоведов Поволжья, посвященной столетию со дня рождения д.ф.н., проф. В.А. Бочкарева (г. Самара); на XXXI Зональной конференции литературоведов Поволжья (г. Елабуга); на XXVII и XXIX преподавательских научно-практических конференциях «Теории, содержание и технологии высшего образования в условиях глобализации образовательного процесса», «Интеграция науки и образования как условие повышения качества подготовки специалистов», проводившихся Оренбургским государст-

венным педагогическим университетом (2006 г., 2008 г.). Результаты научного исследования отражены в 11 статьях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Решая актуальные мировоззренческие, нравственные, философские и онтологические проблемы века, Ф. Тютчев вступил в открытый (и сокровенно-скрытый) диалог с современными ему историософскими, социально-политическими, философско-антропологическими системами, выявляя их онтологическую умозрительность и релятивизм, пытаясь воспрепятствовать процессу десакрализации современного искусства и восстановить утрачиваемые поэзией связи с философским познанием мира и духовным «самовоспитаньем» (Н.В. Гоголь) человека; основным императивом философской лирики Ф. Тютчева стала не абстрактная истина, а неустанный путь к ней современной цивилизации, общества, человека в целях их христианизации и гуманизации.
2. Ф. Тютчев явился (одновременно с Н.А. Некрасовым) создателем нового типа «романизированной», «полифонизированной» (М.М. Бахтин) любовной лирики, структурообразующим элементом которой стал напряженный, страстный диалог любящих людей, их «поединок роковой», обнажающий метафизическую, амбивалентную природу любви, подчиняющейся не социально-бытовым факторам, а таинственным законам мироздания.
3. Ф. Тютчев создал новый словесный текст, одновременно архаизируя его, обывляя, возводя к знаковым одическим формулам, философски углубляя и в то же время осовременивая, подключая к философскому знанию, этической системе ценностей нового исторического времени.
4. Ф. Тютчев впервые максимально расширил возможности поэтического диалога, соотнес его с типом лирики и адресата: если в историософской лирике преобладают такие приемы, как убеждение, обращение, призыв, напоминание о «святой памяти» великого общеславянского прошлого, то в философской лирике диапазон диалогических приемов расширился: от ораторского обращения, грозной инвективы и проповеди до покаяния; в любовной же лирике диалог проявил себя прежде всего в смиренном покаянии, потрясенном осознании своего нравственного несовершенства, своей вины по отношению к любящей женщине, в благоговении перед ней и поклонении.
5. Пойдя по пути полифонизации своей историософской, философской, любовной лирики, критически осмыслив предшествующий и современный культурно-исторический и философско-эстетический опыт, поэт открывал самую универсальную в искусстве и в жизни форму диалогического общения с человеком, миром и Богом; переключая пафос лирического стихотворения на диалог с заблуждающимся и страждущим человечеством, ориентируясь в конечном итоге на базовый постулат христианства о любви и милосердии как высших ценностей бытия, выявив в самом диалоге огромный этико-эстетический ресурс, Ф. Тютчев открывал новые

перспективы развития для русской классической поэзии последующих времен.

Структура диссертации подчинена достижению поставленной в работе цели и решению обусловленных ею задач. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения и Библиографии, содержащей по теме исследования 324 источника. Основная часть диссертации изложена на 182 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** излагаются общие содержательные аспекты исследования, обосновывается актуальность и новизна выбранной темы, анализируется степень ее разработанности, формулируются цель и задачи исследования, определяются методологическая и теоретическая основы, обозначается научно-практическая значимость результатов исследования и характер их апробации.

Первая глава «Философская лирика Ф.И. Тютчева как явление культуры и как научная проблема (теоретический аспект)», состоящая из двух разделов, посвящена теоретическому обоснованию подхода, выбранного для достижения цели работы.

В разделе 1.1 «**Феномен философской лирики Ф.И. Тютчева в контексте "второй поэтической эпохи"**» рассматривается специфика «поэзии мысли» (Л.Я. Гинзбург, Е.Н. Купреянова, Ю.М. Лотман, Л.Н. Малюкова, А.И. Новиков, В.П. Океанский, О.В. Попова, Л.В. Пумпянский, Л.Е. Родченко, И.М. Семенко, И.Н. Сиземская, Л.А. Сугай, Ю. Н. Тынянов) Ф. Тютчева и философской лирики в целом как особого течения в русской литературе XIX века, возникшего под воздействием грандиозных исторических событий и потрясений рубежа столетий, поставившего перед поэтами и мыслителями задачу поисков новых художественных методов и форм выражения авторского сознания в соответствии с изменившимся пониманием поэзии и философии как универсальных способов передачи духовной жизни.

Вопрос о «философской поэзии», специфике выражения философской мысли в поэзии остается актуальным и в настоящее время. Современная наука утверждает, что в основе философской поэзии лежит стремление к созданию своей «модели мира», отличной от существующих (А.И. Павловский); противопоставление «философского» и «психологического» сознаний автора (Л.Н. Щемелева); эстетическая оценка явлений (Н.Р. Мазепа); такой предмет художественного изображения, в качестве которого выступают сущностные особенности сознания человека (Р.С. Спивак). В одной из последних работ, посвященных рассматриваемому вопросу (И.М. Сиземская), предпринята попытка выявления глубинных связей философии и поэзии, что находит столь характерное отражение именно в русском искусстве слова, достигающем «...гармонии между чувством и мыслью, вдохновением и сознанием»³.

О философской лирике, как определяет ее вслед за Е.А. Майминым Ю.М. Лотман, имеет смысл говорить в двух основных толкованиях: во-первых,

³ Сиземская И. Н. Русская философия и лирическая поэзия: «согласие ума и сердца» / Поэзия как жанр русской философии. – М.: ИФРАН, 2007. – С. 7.

как о выражении философских концепций, идей, где поэтическая форма выполняет формальную функцию, где излагаются сложившиеся убеждения (поэзия М.В. Ломоносова, А.Н. Радищева, славянофилов, В.С. Соловьева); во-вторых, как о глубоко поэтическом переживании философской мысли, поэтическом выражении философских раздумий во всей их живой динамике (поэзия Г.Р. Державина, С.С. Боброва, Е.А. Баратынского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова). Поэзия Ф. Тютчева представляет собой специфическое художественное явление: в ней есть элементы, сближающие ее с первым толкованием (монументальность, системность, декларативность), но все же в совокупности базовых признаков ее можно отнести скорее к философской поэзии во втором значении термина, т.к. в наиболее глубоких поэтических творениях Ф. Тютчева философская мысль облекается в художественный образ и предстает в самом процессе рождения, динамики, итогах, предполагающих дальнейшее развитие.

Возникновение философского направления в русской поэзии второй трети XIX века является историческим фактом, значение которого выходит за рамки одной только поэзии. Русская интеллектуальная творческая элита в условиях постдекабрьской России напряженно и мучительно искала новые формы взаимоотношений между поэзией и философской мыслью, между поэтической мыслью и действительностью. Поэты-мыслители, размышляя об автономности, исключительной ценности конкретной человеческой личности, идея которой так вдохновенно и последовательно утверждалась в философских системах Шеллинга, Ф. и А. Шлегелей, Канта, Фихте, обратились прежде всего к методу самонаблюдения, самовыражения души, утонченной фиксации саморефлексии, обобщениям зачастую грандиозного историософского, онтологического масштаба. Именно здесь, в сфере самовыражения своего внутреннего «я», в сложном диалоге с философской мыслью предшествующих эпох и современности специфика национального поэтического сознания проявилась с наибольшей очевидностью. Создателям философской поэзии предстояло решать задачи духовного и творческого самоопределения духовно развитой личности в условиях все более глубокого осознания трагедийности разрыва дворянского интеллигента с народной и национальной жизнью, в условиях личного и социально-исторического пессимизма.

Поэт оказался необычайно чуток в ощущении самого духа эпохи, когда так активно развивалось философское знание, создавались грандиозные философские системы, которые часто в соприкосновении с реальной историей и жизнью обнаруживали свою относительность. Уже современники Ф. Тютчева, такие как Е.А. Баратынский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, русские любовники (Д.В. Веневитинов, М. Максимович, В.Ф. Одоевский, А.С. Хомяков, С.П. Шевырев), славянофилы (И.С. и К.С. Аксаковы, И.В. и П.В. Киреевские, А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин и др.) окажутся вынужденными вступить в философский диалог-спор с существующими философскими системами разного толка, так как само поэтическое творчество, трагический личный и исторический опыт оказывались малосовместимыми с ними.

Философская мысль Ф. Тютчева, находясь в состоянии постоянного поиска своего пути к Истине, осуществляя себя в полемическом диалоге с фило-

софско-онтологическими, эстетическими и социально-политическими системами предшествующих эпох и своего века, обнаруживала их относительность и в конечном итоге всегда сверяла себя, самоуточняясь и самоуглубляясь, с христианским вероучением.

Ф. Тютчев придал невиданную ранее масштабность проблематике русской романтической философской лирики, обогатив ее наследием XVIII века и проложив путь поэтам XIX – XX столетий. Он отдал предпочтение лирике «на высоте» (Н.Н. Скотов) философских истин и символов. Поэтому такими значимыми, организующими процессами в создании философской лирики Ф. Тютчева станут системность, диалогизм, полифонизм, конфликтность, драматизм, онтологизация, интонационная организация текста, столь характерные для поэзии его времени (Ап. Григорьев, И.С. Никитин, Н.П. Огарев, Н.А. Некрасов, А.А. Фет).

В разделе 1.2 «Диалогичность как универсальная форма авторского самовыражения в философской лирике» осмысливается состояние научно-теоретической разработанности заявленной проблемы, исследуется такая специфическая форма выражения авторского сознания в философской лирике XIX века, как диалог.

В сфере изучения философской лирики «второй поэтической эпохи» одной из самых непроясненных и малоизученных, прежде всего на теоретическом уровне, остается проблема автора и характерных для нее форм самовыражения. Весь спектр рассмотренных точек зрения в сфере теории автора в литературоведении (М.М. Бахтин, А.Ю. Большакова, Н.К. Бонедкая, В.М. Борисова, С.Н. Бройтман, В.В. Виноградов, Н.В. Драгомирецкая, Б.В. Катаев, В.В. Кожин, Б.О. Корман, Н.Т. Рымарь, В.П. Скобелев, Н.Д. Тмарченко, В.Е. Хализев) позволяет сделать вывод о том, что эта дефиниция в философской лирике Ф. Тютчева, являясь эпицентром создаваемого образа мира, вступает в напряженный диалог со всеми эпохально значимыми проявлениями общественного самосознания, в том числе и наиболее заметными философскими и историософскими учениями.

Органичное образное выражение субъективного чувственного, «многогранного и цельного переживания» (В. Кожин) обусловило своеобразие поэтического мира и образа лирического героя в «поэзии мысли» Ф. Тютчева. Герой его лирики – это и «неистовый оратор» (Е. Эткинд), непрестанно обращающийся к читателю, убеждающий, побуждающий и вопрошающий его; это и философ, поэтический созерцатель природы («Могила Наполеона», «В толпе людей, в нескромном шуме дня...»); и влюбленный, мечтательный юноша («Я помню время золотое...»); и пророк, предсказатель русских и европейских судеб («Два единства»); и трагическая личность с истерзанным сердцем («Весна», «Весь день она лежала в забытьи...»); и странник на жизненных дорогах («Странник»); и «олимпиец», шагающий в своем духовном порыве «по высям творенья, как бог». К этому ряду можно добавить еще и такие, не менее характерные для русского поэта-философа формы лирического самовыражения, как поэт-мыслитель, поэт-историософ онтологического склада, пытающийся осмыслить тайный ход Бытия («Цицерон»); причины неизбывного трагизма человеческих судеб («Как океан объемлет шар земной...») и

современного цивилизационного кризиса («Ты долго ль будешь за туманом...», «Свершается заслуженная кара»), вступающий в требовательный диалог с современной философской мыслью и сверяющий ее с жизненной практикой человека и христианской нормой. Результатом подобного диалога как способа структурализации поэтического дискурса стала не только картина мира, «...обнаруживающая в своем чертеже космос идей, композиционно оформленный в образно осмысленные категории (мифологемы, философемы, образы-идеи)»⁴, но и явно еще недооцененное наукой чувственно-эмоциональное, страстное начало тютчевской поэзии.

В работе рассматриваются разные теории диалога начиная с «сократического» до его современной трактовки как в лингвистической науке (Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский), так и на уровне анализа драматических (Е.П. Артеменко, М.Б. Борисова, В.В. Виноградов) и прозаических произведений (Р.Р. Гельгардт, М.К. Милых, В.В. Одинцов). Специфика диалогистики поэтических текстов продолжает оставаться одной из значимых проблем современной филологии, что и определяет актуальность избранной нами темы исследования.

В результате исследования вносится уточнение в определение роли диалога в лирическом произведении: вопреки широко распространенному мнению о монологичности лирики следует признать большую эстетическую активность диалогических структур в произведениях данного рода, в частности в лирике Ф. Тютчева. Опираясь на достижения русской и западноевропейской культуры и эстетики, он пошел путем диалогически сложной трансформации и совершенствования принципов романтического психологизма. Наследуя от Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского и А.С. Пушкина традиции одухотворенного, гуманизированного самовыражения личности в лирике, Ф. Тютчев, подобно Е.А. Баратынскому и М.Ю. Лермонтову, сосредоточил свое пристальное внимание на непостижимо сложных противоречиях духовного мира человека, проникая в бездны его подсознания, исследуя диалектическую двойственность человеческой психики, соизмеряемой с общекосмической природой и структурой бытия в целом.

Диалогизм тютчевской лирики рождался на пересечении мировой культурной традиции, ведущей свое начало от античности, и русской, еще хранящей память о языческом прошлом, но уже мощно сориентированной на христианский идеал. Перенесенный на русскую почву философский диалог не только сам по себе чрезвычайно интенсивно усваивался русской мыслью во всем своем культурном потенциале, но и одновременно резко активизировал отечественные традиции вербального самовыражения: представление о сакральной природе слова, о его высшей коммуникативной роли, об ответственности произносящего слово перед Богом и людьми.

Во второй главе «Создание новой поэтической системы в лирике Ф.И. Тютчева» в соответствии с заявленной темой рассматривается диалогическая структура философской, историософской, любовной лирики поэта.

⁴ Исупов К. Г. Ф. И. Тютчев: поэтическая онтология и эстетика истории // Ф. И. Тютчев: pro et contra: антология. – СПб.: РХГИ, 2005. – С. 7.

В разделе 2.1 «Историософская лирика Ф.И. Тютчева: диалог с мировой историей» исследуется феномен историософской лирики Ф. Тютчева, ведущей диалог с мировой историей в пограничной ситуации онтологического кризиса и надежды на восстановление утраченного человечеством духовного всеединства.

В обширной на сегодняшний день литературе о Ф. Тютчеве его историософская лирика остается еще недостаточно изученной, особенно в аспекте диалогической специфики (работы В.В. Вейдле, А.Л. Казина, В.К. Кантора, Ю.В. Лебедева, Т.В. Николаевой, М. Рославлева, Б.Н. Тарасова, Г.В. Флоровского и др.). Это объясняется, на наш взгляд, не только особой сложностью темы и относительной скудостью материалов для изучения как источников этой поэзии, так и политического мировоззрения поэта в целом, но и неразработанностью методологических подходов к исследованию лирики подобного типа. В сущности, историософскую лирику Ф. Тютчева наука рассматривала и продолжает интерпретировать преимущественно как явление достаточно локальное, «архаическое» (Ю.Н. Тынянов), находящееся на периферии тютчевского поэтического мира, как лирику политическую с элементами панславизма, «византийских» амбиций, имперского патриотизма (Н.Я. Берковский), «гражданскую» (Ю.В. Лебедев). Между тем ее можно скорее оценить как единый текст-диалог с современной цивилизацией, с современным человечеством с позиций общечеловеческого, общецивилизационного опыта, вневременного христианского идеала, так страстно, так чувственно переживаемых русским поэтом XIX века, и, безусловно, как органичный элемент философской лирики поэта в целом.

Думается, что при исследовании столь специфического явления, каким является историософская лирика Ф. Тютчева, необходим органичный и динамичный в своей основе синтез идеологического, философского, эстетического принципов анализа. В системе основных историософских концепций, возникших в античности, в Средние века и в XVIII веке и повлиявших на формирование историко-философских систем рубежа XIX – XX веков, Ф. Тютчев занял свое, глубоко осознанное место. Для Ф. Тютчева История не только надличностный процесс с его недоступными человеческому разуму проявлениями божественно прекрасной универсальной самогармонизации и ужасающей катастрофичности, но и нечто живое, движущееся, сталкивающееся с динамично развивающейся современностью. Ту диалектику, которая характерна для тютчевского понимания природы, все явления которой, по его представлениям, сосуществуют в непрерывном живом взаимодействии, взаимозависимости, непрерывных столкновениях, разрешающихся катастрофами, и восстанавливающих новую гармонию, усматривал поэт и в историческом процессе («Рассвет», «Графине Ростопчиной», «Прекрасный день его на Западе исчез...», «19-ое февраля 1864», «Бывают роковые дни...» и др.).

Драматические события общественно-политической жизни Европы, революционные потрясения, перевороты и войны вносят глубокие изменения в миропонимание и мироощущение поэта, обостряют его интерес к проблемам мировой истории. Проблему исторических судеб мировых государств Ф. Тютчев рассматривает

уже в своих первых стихотворениях («На новый 1816 год», «Уrania»), обновляющих в памяти отечественную, прежде всего державинскую философско-одическую традицию. Системно обновленный жанр оды позволяет поэту в его непрестанном диалоге с Историей создать грандиозную картину мирового исторического процесса. Ф. Тютчев стремится проникнуть во внутреннюю сущность истории («Откройся предо мной, протекших лет вселенна!»), но он не переносится в историческое прошлое, а созерцает судьбы мира с некой временной дистанции, придавая своему поэтическому творению торжественность, величественность, восторженность, сменяемые предвидением трагизма мирового исторического процесса, его загадочной непостижимости для человеческого разума, снова и снова находящими свое разрешение в утверждении божественной целесообразности мироздания.

На публицистическом же уровне эта тютчевская мысль прозвучит вне интенции преодоления, без диалогических интонаций, однозначно, резко, пессимистично. Поэт, с присущей ему поразительной исторической интуицией, предчувствовал, с какой грозной реальной опасностью может вскоре столкнуться славянский мир в лице реально существующей агрессивновоеинствующей западной буржуазной цивилизации, громко заявлявшей о своей приверженности ценностям свободы, демократии, социальной филантропии, а на деле цинично стремившейся к мировому господству, новым рынкам сбыта, умножению своих капиталов. Движение мирового исторического процесса последующих эпох полностью подтверждает основательность и правоту его историкофилософских суждений и предвидений, придавая им особую культурно-историческую ценность.

Оценивая современный цивилизационный буржуазный процесс развития как трагедийный, Ф. Тютчев, прозревая будущее, пророчит великий благодатный исторический переворот, который должен произойти: цивилизационно-спасительную роль в мировом историческом процессе будут играть Россия и братские славянские страны. Поэтому такое исключительно важное место в лирике поэта занимает тема славянского единства и объединяющей роли России в утверждении этого единства. В замечательных по силе пафоса стихотворениях «Как дочь родную на закланье...», «К Ганке», «Знамя и Слово», «Русская география», «Рассвет», «Пророчество», «Ужасный стон отяготел над нами...», «Князю Горчакову», «Ты долго ль будешь за туманом...», «Славянам», «Великий день Кирилловой кончины...», «Два единства», «Да, вы сдержали ваше слово...», «Ватиканская годовщина», «День православного Востока...» поэт преобразается в славянского трибуна, вступающего в активный, экспрессивный диалог с Русью и со славянским миром. Размышляя о «второй», восточной Европе, «душой и двигательной силой» которой служит, по его мнению, Россия, поэт имел в виду вовсе не племенную, расовую, а духовно-историческую общность народов этой «второй Европы». Смысл этого объединения Ф. Тютчев полагал единственным реальным залогом славянского культурно-исторического самоосуществления: «...не для себя и не для других, а со всеми и для всех» (Н.Ф. Федоров).

Вера Ф. Тютчева во всемирное мессианское, спасительное предназначение России все время подвергалась драматическим испытаниям и авторским самоуточнениям. Надежда на «русскую политику» Николая I, проявившаяся в первые годы его правления, вскоре обнаружила свою несостоятельность, что заставило поэта подвергнуть и внутреннюю и внешнюю политику России масштабному, системному, требовательному анализу. Стихотворным выражением испытанных поэтом разочарований явилась эпитафия Николаю I, построенная как диалогический текст, последовательно отрицающий официозно-казенное представление о государственной деятельности русского императора и бескомпромиссно развенчивающий его личный миф о высоком служении Богу и России («Не Богу ты служил и не России...», 1855). Эпистолярные размышления поэта сообщают истинный историко-софский масштаб его антিনিколаевской инвективе: он судит царя, оказавшегося недостойным своего исторического назначения и миссии России в мире, судит и общество, которое оказалось неспособным отстаивать интересы страны перед тронном.

Поэт чутко осознавал, что активно повлиять на общественное мнение можно было прежде всего в диалогической форме обращения к России, славянскому миру, славянским народам посредством системы эмоционально окрашенных политических, онтологических, культурно-исторических, религиозно-этических вопросов, движения поэтической мысли от эмпирического факта к подведению философского итога, активного взаимодействия авторской исповеди с апостольским словом, живого приобщения читателя к самым драматичным и острым ситуациям мировой и славянской истории.

В разделе 2.2 «Философская лирика Ф.И. Тютчева: диалог человеческого Я с мирозданием в контексте философских концепций XIX века» устанавливается, что тютчевский концепт человека и мироздания не укладывался в какую-либо определенную философско-религиозную систему, и потому целесообразнее говорить об отношении поэта не к мирозданию, а о его отношениях с мирозданием.

Кризис гуманизма, отчетливо обнаруживший себя на рубеже XVIII – XIX веков, разрушал декларированную веру в человека, ставил под сомнение представление о «естественном человеке», об изначальной цельности и идеальности его натуры, о торжестве во вселенной разума и порядка, о неуклонном прогрессе, совершающемся в истории, о божественной целесообразности мироздания и ценности человеческого бытия в целом. С предельной напряженностью отразила это именно философская лирика и, в частности, лирика Ф. Тютчева, в которой человек предстал существом несовершенным, разорванным, «промежуточным», духовно смятенным, остро переживающим свое личное, общественное и космическое одиночество в круговороте безбрежного океана Вселенной («Бессонница», «Сижу задумчив и один...», «На возвратном пути», «Святая ночь на небосклон взошла...»). Он ощутил себя в вечном разладе, в вечном борении с собой, своей земной телесной природой, мирозданием, Богом, людьми, обществом, «веком», в дисгармонии настоящего и предощущении непредсказуемого, тревожного будущего («Как океан объемлет шар земной...», «Silentium!», «День и ночь», «Смотри, как на речном просторе...», «Наш век», «О вещая ду-

ша моя...», «От жизни той, что бушевала здесь...» и др.). Поэтому Ф. Тютчев, «поэт-тайновидец» (Ю. Айхенвальд) будет восприниматься символистами (К. Бальмонт, А. Блок, В.Я. Брюсов, Вяч. Иванов, Д. Дарский, Д. Мережковский) как их непосредственный предшественник, как подлинный родоначальник и, более того, как первый русский символист.

Поэт снова и снова подвергал тотальному философскому исследованию современный миропорядок и современного человека в поисках «исходов». Его глубоко тревожила неудержимо нараставшая, всеобъемлющая секуляризация мирознания современного человека и создаваемой им цивилизации. Опережая современное ему философское самосознание, Ф. Тютчев увидел основную причину всеобщего цивилизационного кризиса в кризисе самого человека, в его «безверии», в его неспособности и нежелании искать Истину и следовать ей, укреплять, развивать свою духовную природу и гармонизировать земную. Указав на основную болезнь эпохи – «растление духа» («Наш век»), поэт сосредоточился на исследовании причин духовного и нравственного кризиса современного человека («Памяти М.К. Политковской»). При этом Ф. Тютчев, в отличие от своих мыслящих современников (Е.А. Баратынского и параллельно с А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым), неустанно искал пути преодоления «болезни века», пути исцеления искаженной, безверной души в спасительном общении-беседе широчайшего интонационного диапазона от сокровенной личностной исповеди («Всесилен я и вместе слаб...») до беспощадной инвективы («14 декабря 1825») и почти апостольских пророчеств («Теперь тебе не до стихов...»), неустанно интенсифицируя процессы познания и самопознания, реанимируя память «падшего» человека о его изначально Божественной природе.

Творчески синтезируя философский, культурный, поэтический опыт предшествующих веков, Ф. Тютчев строил свою универсальную и уникальную поэтическую картину мироздания, где человеку отводилась роль как трагической жертвы своих эгоистических страстей и заблуждений («Как птичка раненую зарей...»), «Есть и в моем страдальческом застое...»), так и созидателя, творца («Сон на море», «С поляны коршун поднялся...», «Неман»), способного в своей опоре на незыблемые христианские ценности «обуздать» (С.Л. Франк) в себе стихию «хаоса», стихию «коллективного бессознательного» (К. Юнг), гордыню эгоцентризма, вседозволенности, личного произвола, возвыситься до состояния «гармонии духа» (Ф.М. Достоевский).

Как убеждает проведенный анализ основного корпуса стихотворений Ф. Тютчева с философской тематикой, поэтическое мировидение поэта оказывалось неуловимо сложным, амбивалентно противоречивым, непрестанно самоутончавшимся, его доминирующими чертами неизменно оставались внутренний динамизм, неустанное продвижение к Истине, что и предопределяло универсальную диалогичность тютчевской космологической концепции и его лирики в целом. Возникающая в его лирике картина мироздания поражает своей грандиозностью, мощью непрестанно совершающихся в ней природных процессов, одновременно сопровождающихся ужасающими катаклизмами и ослепительными видениями божественной красоты и гармонии мирового бытия в

целом. Сопряженность величественно-прекрасного и торжественно-трагического придает его лирике философскую масштабность, метафизическую глубину, порождая специфический сплав проникновенно-личностной и ораторско-витийственной интонаций, заключаемые при этом в предельно сжатую, новаторски обновленную поэтическую форму.

В результате исследования мы приходим к выводу о том, что космологическая, возвышенно-философская, обращенная к вечным и насущным проблемам человека и мира, взыскующая абсолютной истины о них лирика Ф. Тютчева обретала эту истину не в теории, не в философии, а в самой жизни, в ее живом и мучительном опыте, в сфере нравственного самовоспитания, в любви, что и стало основным импульсом диалогистики поэта.

Раздел 2.3 «Философский элемент в поэтической структуре любовной лирики Ф.И. Тютчева: любовный цикл-диалог как "поединок роковой"» посвящен исследованию специфики философского диалога в поэтической структуре любовной лирики поэта.

Любовный цикл Ф. Тютчева, посвященный Е.А. Денисьевой, по-новому реализовал резервные возможности принципа философской диалогичности. Активное включение философского элемента в сферу интимной лирики привело к ее существенной многоуровневой трансформации. В русской лирической поэзии начала XIX века жанровая группировка лирических произведений начинает уступать место иным принципам циклизации, среди которых основное значение приобретает принцип выведения некой единой поэтической личности, ее душевной биографии (Н.П. Огарев, А.К. Толстой, Я.П. Полонский, Н.А. Некрасов, А.Н. Майков, А.А. Григорьев, Ф.И. Тютчев и др.). Последовательно усложняется внутренняя структура цикла: «...от сравнительно элементарных, актуализирующих лишь жанрово-тематические уровни общности, к включению драматического и фабульного начал, их сложному синтезу и формированию хронотопического своеобразия»⁵, от композиции, определяемой предметно-объективной сферой, к композиции, основанной на субъективно-лирическом начале. Возможности такой динамики (в частности, активизации драматического начала) определялись двухгеройностью исходной ситуации, взаимодействием двух личностных начал.

«Денисьевский цикл» Ф. Тютчева обладает своеобразной, нетрадиционной для литературного изображения любви структурой (со своим внутренним движением, перипетиями, завязкой, кульминацией и развязкой), не знающей подобия в предшествовавшей русской поэзии. Драматизированный «роман» в стихах поэта предстает в своей «сюжетной» протяженности и динамике с эмоционально зафиксированными «завязкой» («Пошли, господь, свою отраду...», «Как ни дышит полдень знойный...»), прологом («Предопределение»), основными фазами развития любовной истории («Пламя рдеет, пламя пышет...», «Не раз ты слышала признание...», «Не говори: меня он, как и прежде, любит...», «О, не тревожь меня укорой справедливой...», «Чему молилась ты с

⁵ Лапина Л. Е. Циклизация в русской литературе XIX века. – СПб.: НИИ химии СПбГУ, 1999. – С. 116.

любовью...», «Она сидела на полу...»), четко обозначенной кульминацией («О, как убийственно мы любим...»), трагической «развязкой» («Последняя любовь») и не менее трагическим «эпилогом» («Весь день она лежала в забытии...», «Есть и в моем страдальческом застое...», «Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...», «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.», «Опять стою я над Невой...»).

Тютчевская любовная история одновременно чувственно переживается и как неповторимое личное событие и потрясенно осмысливается как непреложное проявление вечных законов мироздания, сущностных основ человеческой природы и жестоких законов современного «прозаического века». Максимально интенсифицируя метафизические, онтологические интенции лирики, поэт приводит их во взаимодействие с гносеологическим исследованием таинственной природы любовного чувства, резко повышая философичность ее постижения. Страстное упоение красотой, магией, «волшебством» любовного чувства органично совмещается с гносеологическим поиском истины об этой сфере человеческих отношений. Частная, интимная любовная история переживается и осмысливается на величественном фоне мироздания с его непреложными, вечными законами и в соответствии с общечеловеческим опытом как непостижимая небесная универсалия и как неотвратимая катастрофа космического уровня. Это ощущение Ф. Тютчев передает на языке динамичного поэтического синтеза фольклоризмов, устоявшихся формул высокой классической поэзии, витийственной риторики, дидактизмов, философем и почти обывательской лексики, передавая сложную структуру и пластику любовного человеческого бытия.

В результате проведенного исследования мы приходим к выводу о том, что «лирический роман» Ф. Тютчева явил собой новый тип любовной лирики, впитав в себя все лучшее из предшествующей традиции и воплотив «самое общее, что есть в эпохальном сознании, одновременно фиксируя мгновенные единичные ракурсы психических состояний» (Л.Я. Гинзбург). Именно в этом смысле тютчевский цикл дает полную картину духовной жизни общества: в условиях нарастающей демократизации, когда элитарное сознание вытесняется массовым, человек начинает осознавать свою неабсолютность, зыбкость своего существования, зависимость от другого человека. В любовной лирике появляется два центра, два субъекта: она начинает строиться как драматический амбивалентный диалог, где каждый несет свою правду, которая драматически несовместима с правдой другого «я».

Философский элемент, органично входя в тютчевскую любовную лирику, способствовал активной диалогизации ее структуры, раскрывая ту сложность любовного бытия, которая была недоступна предшествующей поэзии. Полифоническая по своему строю и пафосу любовная лирика Ф. Тютчева полно и чутко отразила процесс становления «рефлектирующего, самоаналитического сознания» (Л.Я. Гинзбург), всеобъемлюще выразив новый драматический момент в духовном развитии человечества. Философский диалог приобретал в лирике Ф. Тютчева новую актуальность. В ситуации онтологического кризиса, девальвации нравственного закона, утраты высшего знания и ощущения красоты мира

тютчевский диалог не выносил окончательного приговора человеку и миру, он задавал критерии выбора, создавая нравственно-философскую опору для дальнейшего поиска Истины.

В **Заключении** подведены итоги исследования, обозначены основные результаты, определено место философской лирики Ф. Тютчева в контексте его наследия и полемически-противоречивом философском, общественном и историко-литературном контексте XIX века.

Создавая свою поэтическую картину мира, в котором «жила потребность быть услышанным и готовность откликнуться на слово, приходящее извне» (Е.Н. Федосеева), поэт вступил в философский диалог эпохального масштаба со всеми значимыми проявлениями общественного самосознания, в том числе и наиболее заметными философскими и историософскими учениями, выявляя тем самым их онтологическую умозрительность, идеологическую сконструированность, релятивизм, необедительность их упрощенно-позитивистских или мистически-абстрактных «ответов» и толкований. Ф. Тютчев предпочел форму диалога-размышления, не предполагающего исчерпывающего «ответа», поразительного по своему философскому мужеству, постоянно самоутрачающегося, становящегося активной формой поиска дороги к Истине и Вере.

В результате проведенного исследования мы приходим к выводу о том, что многоуровневый тютчевский диалог в контексте европейской и русской культуры велся преимущественно не с гносеологических, а с онтологических позиций, не для философской самоидентификации, а во имя поиска путей духовного самоосуществления для себя, русского человека и художника, и для России, на языке русской культуры, во имя Спасения. Русский поэт-мыслитель создал лирику грандиозных философских обобщений, вознесенную над повседневным человеческим существованием, но уже опосредованно включающую присутствие неповторимо-индивидуальной, живой, мыслящей, чувствующей, страдающей личности автора. В научную тютчевиану вносится принципиальное уточнение: не абстрактная Истина о мире и человеке, а неустанный путь к ней современной цивилизации, общества, человека становится императивом философской лирики Ф. Тютчева, основополагающим объектом философско-этической рефлексии поэта, а ее универсальная, многофункциональная диалогическая форма – основным инструментом ее постижения. Посылая тем самым мощный импульс философской и поэтической мысли последующих эпох, тютчевская философская поэзия становилась одним из содержательных факторов русской и европейской культуры.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Дубовскова, Е.Н. Диалог как универсальная форма авторского самовыражения в философской лирике: теоретический аспект / Е.Н. Дубовскова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара:

- СНЦ РАН. – 2009. Т. 11. «Педагогика и психология», «Филология и искусствоведение». – № 4 (3). – С. 717 – 722 (0,3 п.л.).
2. Дубовскова, Е.Н. Философский диалог с «веком»: духовный кризис современного человека в поэзии Ф.И. Тютчева / Е.Н. Дубовскова // Вестник Оренбургского государственного университета / под ред. В.П. Ковалевского. – Оренбург: ГОУ ВПО «ОГУ». – 2006. – № 11. – Ч.1. – С. 27 – 34 (0,4 п.л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях:

3. Дубовскова, Е.Н. Ф.И. Тютчев и эволюция философской лирики второй трети XIX в. / Е.Н. Дубовскова // Качество профессионального образования: новые приоритеты, системы оценки: материалы XLIV студенческой научно-практической конференции. 7 – 8 апреля 2004 г. – Оренбург: ОГПУ, 2004. – С. 217 – 224 (0,4 п.л.).
4. Дубовскова, Е.Н. Россия и Европа: тютчевский концепт цивилизации / Е.Н. Дубовскова // Евразийское ожерелье. Альманах общественного института истории народов Оренбуржья им. М. Джалиля. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2005. Вып. 6. – С. 275 – 303 (1,8 п.л.).
5. Дубовскова, Е.Н. К вопросу о диалогической структуре поэтического текста Ф.И. Тютчева / Е.Н. Дубовскова // Теории, содержание и технологии высшего образования в условиях глобализации образовательного процесса: материалы XXVII преподавательской научно-практической конференции. 12 – 14 апреля 2006 г. – Оренбург: ОГПУ, 2006. Ч. 4: Филологические науки. – С. 83 – 97 (0,9 п.л.).
6. Дубовскова, Е.Н. Концепт «молчание» в стихотворении Ф.И. Тютчева «Silentium!» / Е.Н. Дубовскова // Аспирантский вестник ОГПУ. Научный журнал. – Оренбург: ОГПУ, 2005. – № 1. – С. 92 – 114 (1,4 п.л.).
7. Дубовскова, Е.Н. К вопросу о поэтическом строе философской оды Ф.И. Тютчева / Е.Н. Дубовскова // Бочкаревские чтения: материалы XXX Зональной конференции литературоведов Поволжья. 6 – 8 апреля 2006 г. – Самара: Издательство СГПУ, 2006. Т. 1. – С. 264 – 273 (0,6 п.л.).
8. Дубовскова, Е.Н. Славянский вопрос в лирике Ф.И. Тютчева: «укрепление подлинного единства» / Е. Н. Дубовскова // Евразийское ожерелье. Альманах общественного института истории народов Оренбуржья им. М. Джалиля. – Оренбург: ОГПУ, 2006. Вып. 7. – С. 36 – 50 (0,9 п.л.).
9. Дубовскова, Е.Н. К вопросу о диалогическом строе космогонической лирики Ф.И. Тютчева / Е.Н. Дубовскова // Аспирантский вестник ОГПУ. Научный журнал. – Оренбург: ОГПУ, 2007. – № 6. – С. 40 – 52 (0,8 п.л.).
10. Дубовскова, Е.Н. К вопросу о диалогическом строе историософской лирики Ф.И. Тютчева / Е.Н. Дубовскова // Современные факторы повышения качества профессионального образования: материалы XXVIII преподавательской научно-практической конференции. – Оренбург: ОГПУ, 2007. Т. 3: Секции филологического факультета. – С. 187 – 204 (1 п.л.).

11. Дубовскова, Е.Н. Философский элемент в поэтической структуре любовной лирики Ф.И. Тютчева: любовный диалог как «поединок роковой» / Е.Н. Дубовскова // Интеграция науки и образования как условие повышения качества подготовки специалистов: материалы XXIX преподавательской научно-практической конференции. – Оренбург: ОГПУ, 2008. Т. 8. Секция кафедр мировой литературы, русской классической литературы и методики преподавания литературы. – С. 33 – 45 (0,8 п.л.).

Подписано в печать 24 марта 2010 г.
Формат 60х84/16 Бумага офсетная. Печать оперативная.
Объем 1,27 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 1836
443011 г. Самара, ул. Академика Павлова, 1
Отпечатано УОП СамГУ

